

Душа мрачна, мечты мои унылы,
Грядущее рисуется темно...

...А рано смерть идет,
И жизни жаль мучительно. Я молод,
Теперь поменьше мелочных забот
И реже в дверь мою стучится голод:
Теперь бы мог я сделать что-нибудь.
Но поздно!..

(Т. 1. С. 166)

Жизнелюбивую душу охватила глухая тоска, не проходившая ни от рюмки, ни от карт, ни от исповедальной беседы в тесном дружеском кругу, ни от каждодневных редакторских и издательских забот, да и пора ставшего когда-то спасительным «сердечного обновления» осталась уже позади. А. Я. Панаева вспоминала об этом времени: «Если б кто-нибудь видел, как он по двое суток лежал у себя в кабинете в страшной хандре, твердя в нервном раздражении, что все ему опротивело в жизни, а главное — он сам себе противен, то, конечно, не завидовал бы ему...»⁵

Явилось и другое следствие. Вдруг навалившееся и казавшееся (и поэту, и его врачам) неизлечимым нездоровье как-то отодвинуло даже материальные хлопоты по все еще обремененному долгами журналу. Вынужденная сосредоточенность не на одной внешней деятельности, но именно на собственном внутреннем состоянии (вместе с дозволением себе меньшей оглядки на сторонние оценки⁶ — уж умирая-то, можно позволить себе желанную творческую свободу!) привела к нараставшему шквалу стихотворчества Некрасова.

Собственно, второй сборник теперь уже зрелой лирики поэта и мыслился им как итоговый, подводящий черту под *всем* его творчеством.⁷ Именно поэтому Некрасов так тщательно собирал его, убирал одни стихи, вводил вместо них новые, затягивал издание, закладывал в него основательно продуманную конструкцию (оставшуюся, впрочем, до полного совершенства так и не доведенной) и предварил его стихотворением «Поэт и гражданин» — с особой пагинацией и более крупным шрифтом. Как уходящий под воду фрегат, он открыто давал последний залп из всех орудий главного калибра.⁸

Создававшийся как очевидная «книга финала», сборник «Стихотворений Н. Некрасова» 1856 года и в своем печатном тексте, и в сопутствовав-

⁵ Панаева (Головачева) А. Я. Воспоминания. М., 1972. С. 197; ср.: Там же. С. 379—380.

⁶ Ср.: «Но прежде всего выговариваю себе право, может быть, иногда на рутинный и даже фальшивый звук, на фразу, то есть буду говорить без оглядки, как только и возможно говорить искренне. Не напишешь, ни за что не напишешь правды, как только начнешь взвешивать слова...» (ПСС. Т. 14. Кн. 2. С. 65 — из письма к Л. Н. Толстому от 31 марта—1 апреля (12—13 апреля) 1857 года. Рим).

⁷ См. об этом: Пайков Н. Н. «Здесь всюду я — в черте малейшей...» (художественный автоцентризм в творчестве Н. А. Некрасова) // Карабиха: историко-литературный сб. Ярославль, 1993. Вып. 2. С. 42—67. Ср. также: Евгенийев-Максимов В. Жизнь и деятельность Н. А. Некрасова. М.; Л., 1950. С. 219.

⁸ Середина 1850-х годов стала для Некрасова вообще эпохой «подведения итогов» — и не только в указанном сборнике, но и в его романе «Тонкий человек», и в сохранившемся наброске «В тот же день, часов в одиннадцать утра...», остро иронически воссоздающем атмосферу в кружке петербургских литераторов поры последних лет Белинского, и в стремлении написать собственную литературную биографию, и в начатой им работе над поэмой о матери, и в замысле еще одной большой поэмы о герое «времени, скупого на героя», частью реализованном в римском «эпilogе ненаписанной поэмы» «Несчастные», фрагментах из поэмы о Валежникове («На Волге» и «Рыцарь на час»), и в «сценах из лирической комедии» «Медвежья охота».